

Министерство культуры Свердловской области
Государственное учреждение культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

Спецвыпуск

Литературный

ББК 83

Л 64

Редакционная коллегия:

Гапошкина Н. В.

Кокорина С. В.

Колосов Е. С.

Косович С. А.

Кошкина Е. Н.

Литературный этноперекресток / сост.
Н. В. Гапошкина; Свердл. обл. межнац. б-
ка.—Екатеринбург: СОМБ, 2009.—26 с.

Ответственный за выпуск: Т. Х. Новопашина

*Ах, что такое человечность?
Путь к свету, на восток держать.
В узде времен коня мгновенья
- как ни был бы высок
- держать.*

Тошходжа Асири

Интерес к **Востоку** в наши дни огромен и, видимо, будет возрастать. Интерес этот всесторонен и всеобъемлющ: история и культура, общество и государство, человек и религия. Наконец, древние первоосновы великих цивилизаций Востока – все это ныне в центре внимания как самих жителей стран востока, стремящихся к самопознанию, так и тем более представителей иной, западной, европейской традиции, чьи устои столь отличны от восточных. Много в современном мире вплотную связано с Востоком – достаточно напомнить о феномене развивающихся стран с их острейшими экономическими, демографическими, территориальными и социокультурными проблемами, пути решения которых пока далеко еще не найдены. Как и когда эти проблемы будут решены, каковы пути, ведущие к их решению, – все это волнует и не может не волновать мир, подавляющее большинство населения которого, все возрастающее как абсолютно. Так и относительно, живет именно в развивающихся странах, в первую очередь в странах Востока. В.И. Вернадский писал: *«Иногда при чтении Плавта и при чтении истории Средней Азии... трепетно бьется сердце от чувства единства умственной жизни человечества. Хочется штрихами воссоздать эту цивилизацию – только нет сил».*

Шанхайская Организация Сотрудничества основана в 2001 году руководителями России, Китая, Таджикистана, Киргизии, Казахстана и Узбекистана. В специальном выпуске **«Литературного этноперекрестка»** мы хотим познакомить наших читателей с наиболее интересными публикациями современных писателей из этих стран, чье творчество непременно вызовет огромный интерес самой разной читательской аудитории.

Это:

- **все то, что не должно остаться прочитанным и не услышанным;**
- **звездные сочинения мэтров и яркие дебюты;**
- **современная литература с ее эстетическими и интеллектуальными поисками, экспериментами.**

Ауэзов, М. Абай / М. Ауэзов // Простор. – 2008. - № 3. – С. 8-49.

Одно из главных событий, происходящих в культурной жизни Казахстана, - это новый перевод на русский язык романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая», над которым работал писатель с мировым именем Анатолий Андреевич Ким. Абай и Ауэзов – эти два имени олицетворяют казахскую литературу для всего мира. Вот что он сам думает по этому поводу: «По сути – это единственный в мире роман о кочевой цивилизации. Тысячелетиями длилась она на земле и вот, можно сказать, на излете, нашла свое воплощение в великом романе. И первое – особый тип творческого человека, создателя культурных ценностей, выработанный ею. Кочевники были вынуждены подчиняться силам природы, они круглый год ходили за солнцем – с летнего жайляу на осеннее затем на зимовку. Поэтому у них не оказалось ни музеев, ни театров, ни библиотек. Но все это в их культуре рождалось непосредственно в глубине жизни, все культурные ценности – будь то музыка, поэзия, прикладное искусство – рождались внутри народа. Каждый человек был библиотекой, каждый человек был музейщиком. Выработался тип творческого человека, чьей основой была импровизация, кто постоянно был в состоянии создания произведений. Мы видим это на примере того, как стихи приходили к Абаю. А когда в импровизации рождается сразу и мелодия, и исполнение – это вообще уникальное явление в мировом искусстве. Выработался особый тип народа, в котором творчество живо в каждом человеке.»

«...Абай на коленях придвинулся к бабушке поближе, устроился поудобнее и, состроив преважную мину на своем мальчишеском лице, начал читать стихи:

Свежа, как роза-раушан, глаза твои изумрудны,

Рубиновый отсвет на лице твоём чудном.

Белоснежная шея – нет, белее чистого снега!

Движеньё бровей, трепет гибких рук – обещание, нега.

Здесь он перевел дух и, читая дальше, начал растягивать слова и гнусавить, как заправский мулла при чтке молитвы «табарак»:

Зачем же в каждую редкую для нас встречу

Взглядом нежным на взгляд твой никак не отвечу?

Перед ликом твоим, как пред сладостным раем,

Стою я безмолвно, от любви своей умирая.»

Кумисбаев, У. Чайка души моей / У. Кумисбаев // Простор. – 2008. - №2. – С. 111-115.

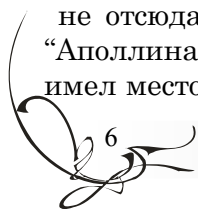
Утеген Кумисбаев – поэт, прозаик, востоковед, член Союза писателей Казахстана, лауреат премии Союза журналистов РК, автор более десяти поэтических сборников и семи научных книг. Два его сборника: «Горный кумыс» и «Степная рапсодия» - увидели свет в издательстве «Советский писатель». Автор романа «Сын Польши». Переводчик с фарси на казахский язык поэтов Востока – Фирдоуси, Омара Хайяма, Хафиза, Рудаки и других.

*«...Все м наивным – ума хоть немного,
Мудрость в горькие дни – молодым.
Старику – чтобы детства дорога
Не исчезли с годами, как дым.*

*Все м мятуцимся душам – прохладу,
Закаленному – больше огня,
Нежность давнюю – строгому взгляду,
Если честен – простор для коня!...»*

Айгерим Тажи. Бог-о-слов: Стихотворения. — Алматы: Общественный фонд “Мусагет”, 2003. — 100 с. (Серия “Мусагет”). *“Слово — Бог, и поэт ищет в языке своего Бога, позволяя по новому увидеть окрестности и создавая мимоходом новые миры. Слова на вкус, на цвет, на аромат...” “Стихотворения Айгерим Тажи — новый мир, мир, творимый письменной речью. Ее поэзия — попытка вернуть слову его истинный смысл и значение”.*

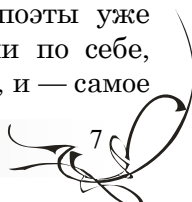
И вдруг понятным становится, откуда появилось ощущение дежа вю: ведь такой же мир, “звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время”, уже открывали в начале XX века акмеисты, провозгласившие самоценность осязаемого, зримого мира и творчества в нем и прославлявшие имя вещи — слово. Тогда, в начале прошлого века, новое постсимволистское поколение спланивалось вокруг журнала “Аполлон” (1909—1917), одного из наиболее известных и авторитетных печатных органов “нового” искусства, — не отсюда ли лукавое заимствование “Аполлинарий”? Да и “Мусагет” уже имел место быть в истории русской ли-

тературы, под этим именем работало в тех же, 1909–1917 годах московское издательство символистов, объединявшее приверженцев символизма теургической, религиозно-философской направленности. И вдруг обнаруживается родство героев О. Марк и Л. Андреева, писателя из того же серебряного века: та же роковая зависимость человека от сил, стоящих выше его, те же потемки сознания, то же сверхличное смятение и ужас перед стеной неразрешимых проблем жизни. И замечаешь близость Е. Терских и М. Зощенко: тот же блеск юмористических ситуаций, та же речевая выразительность, то же сострадание к растерянному маленькому человеку, — только Е. Терских жестче, ее герои живут в другое, тоже переломное время. Но напрашивающиеся аналогии совсем не означают, что мы имеем дело с эпигонством, — казахстанские писатели, осваивающие лучшие традиции прошлого, яркие и самобытны, как и сам Казахстан с его поэтичско-песенной традицией акынов, жирау, кюйше, русской культурой слова и евразийским этническим разнообразием. Нельзя списывать со счетов и того, что между серебряным веком и веком нынешним пролегло целое столетие, давшее свой опыт: исторический, литературный, жизненный.

Шолпан Турарбекова (“Аполлинарий”, 2003, № 3): *“Показателем духовной жизни общества всегда была литература. И готовность принять ее иногда нелегкую правду... Русская литература XX века раскололась, расслоилась, разделилась на несколько течений, которые невозможно назвать параллельными, ибо в разные стороны веером расходились они в главном — значимости текста и человека в этом мире. Современники. Соседи по времени и пространству бедный и Манделштам, Фадеев и Цветаева, Евтушенко и Бродский... исчезла страна, бывшая единым домом, но не исчез этот раскол. И казахстанская литература, как верная преемница, продолжила, протянула уже в иную историческую реальность все ту же двойность литературы, и не только литературы”.*

Провозглашающие божественную природу слова, казахстанские поэты уже другие, они самоценны сами по себе, они ищут новый стиль и язык, и — самое

главное — они понятны молодым, востребованы своими сверстниками, двадцатилетними. Это и лауреат международного литературного конкурса “Ступени” юная Айгерим Тажи:

*Играем в крестики-нолики с Богом.
Он звезды рисует на небе, а я
Кидаю камни в зеленую воду.
Скучаем. Ничья.*

АВТОПОРТРЕТ

*краски бутонами
майского ландыша
пара штрихов
на меня посмотри
жилки зеленые
кожа прозрачная
шесть лепестков
гусеница внутри*

Это и Тути, создающий в своих стихотворениях, легких танках, верлибрах иное пространство:

*Хочется сгустить воздух
Озорными словами,
Чтобы опереться, приподняться
И вновь плюхнуться в мир,
Но уже с другой высоты.
Дышу сквозь пальцы, слово бьется чаще,
порывы ветра ниткой не прихватишь.
Дождь — эхо Божьей грамматики,
Мы замечаем лишь запятые.*

Они многому научились, молодые писатели и поэты Казахстана в литературном семинаре, работающем под эгидой Общественного фонда развития культуры и гуманитарных наук “Мусагет”. Это для нас, живущих на просторах все еще большой России, с ее гуманитарными институтами, многочисленными писательскими организациями и объединениями, литературно-художественными журналами, наверное, непонятно, как много значит литературный семинар для начинающих писателей в стране, где нет ни одного литературного института. Тем более что после развала СССР многие СМИ подхватили расхожую идею о том, что казахстанская литература умирает, что есть только писатели, работавшие в советское время, что настал период пустоты и осмысление его придет только лет через сорок. Но духовного вакуума не случилось.

Зульфикаров, Т. Чайхана над бездной /
Т. Зульфикаров // Литературная Россия.
– 2009. - №5. – С. 8-9.

Таджикский писатель посвятил свою философскую поэму-притчу своему другу Сергею Овчинникову. Он рассуждает о смысле бытия, о неизбежности смерти и о быстротечности нашей жизни:

«Айх!

*А она сладкая, твоя родная талая живая
ж и в о р о д я щ а я т а д ж и к с к а я
Земля, и тысячи ручьев и водопадов бегут
п е р е п л е т а я с ь п е р е к л и к а я с ь
струятся по ней и манят тебя и на пускают...*

Но я же возвращаюсь к тебе, в тебя, родная земля, колыбель, люлька, могила моя!.. то же ты отвлекаешь, не пускаешь меня?..

Айххххйа! Аллаху Акбар!.. Спаси Господи мя мя мя.. Аум тат сат аум...

О Всевышний! О Творец миров! Я пришел к Тебе! Помилуй прими заблудшего меня...»

«... Но я собрал на земле возлюбленных своих...

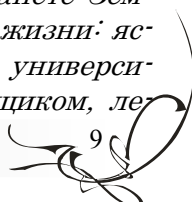
Но я возлюбил всех человек на земле как родных и возлюбленных своих..

И не вернусь...»

Прилавки наших книжных магазинов заполнены российскими, переводными западными, восточными, латиноамериканскими и всевозможными другими книгами. Литература же авторов ближнего зарубежья скромно представлена на полках со специальной и профессиональной литературой, и поэтому практически неизвестна даже самым читающим людям. Чтобы исправить это недоразумение, мы хотим познакомить Вас с казахским писателем Николаем Верёвочкиным.

Несколько слов о писателе...

Верёвочкин Николай Николаевич родился в середине прошлого века в районном центре Марьевке Северо-Казахстанской области. Сам Верёвочкин так представил свою биографию: *«Родился на планете Земля. Прошел суровую школу жизни: ясли, детсад, среднюю школу, университет, армию. Работал каменщиком, ле*

сорубом, журналистом, чиновником, но самым серьезным занятием считаю карикатуру».

Написал два десятка повестей. Некоторые из них вошли в книги «Древоград» и «Страна без негодяев». Печататься как беллетрист начал поздно. В 1992 году в «Ниве» была напечатана повесть «Грибной дождь в Новостаровке», в 1993 году в «Просторе» — «Жертвенный осел». С тех пор, в основном в этих журналах, опубликовано около двух десятков повестей. Вышли три книги: «Древоград», «Страна без негодяев», «Белая дыра». Сказка «Нарисуй мне золотое сердце» и рассказ «Лешка» из первой книги вошли в хрестоматию «Русская словесность» для 5-го класса казахстанских школ. Был лауреатом конкурсов Сороса по номинациям «современная пьеса» («Ковчег-транзит, или Время строить лодку») и «современный роман» («Зуб мамонта»).

В 2006 году Николай Верёвочкин с повестью «Человек без имени» стал лауреатом Русской премии. Напомню, что эта премия присуждается за лучшее произведение литературы, написанное на русском языке писателями Закавказья, Средней Азии и Казахстана.

Верёвочкин, Н. Человек без имени [Текст] : повесть / Н. Верёвочкин // Дружба народов. — 2006. — № 11. — С. 6-53.

Главный герой повести — человек не только без имени, но и без фамилии, без прошлого. Бомж, потерявший память, путающий реальность и сон, утративший дом, семью, имя — но не талант. Судьба приводит его в дом профессионального художника Мирофана Удищева, наделенного всем, кроме таланта и совести. В чем смысл жизни — в безоглядном окрыляющем творчестве, не приносящем никакого дохода, или таком же безоглядном стремлении к наживе — любой ценой, даже ценой эксплуатации чужого таланта? Время или люди виноваты в торжестве бездарности и подлости,

окружающем нас? Такие вопросы ставит Николай Верёвочкин в своем произведении.

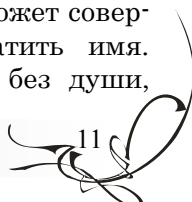
История, рассказанная автором, грустна, жестока, но ... вполне реальна в наши дни.

Верёвочкин, Н. Белая дыра [Текст] : роман / Николай Верёвочкин // Дружба народов. — 2007. — № 6. — С. 43-98; № 7. — С. 100-156.

Что такое «черная дыра» мы более или менее знаем из книг о космосе и из научной фантастики. А — «белая дыра»? Николай Верёвочкин утверждает, что есть и такое явление. Герои романа живут обычной жизнью, но постоянно попадают в необычные ситуации. Прокл Шайкин очень хочет разбогатеть, но его на пути к золоту ожидают сплошные дыры-перевёртыши, местами невероятно мерзкие. Одной семейки, интимно спящей с домашними животными, и отвратительной крысобоки хватит, чтобы представить себе мутантное состояние деревенской глубинки. Но вот Прокл наконец-то попадает из антиутопического «Преддырья» в утопическую «Дыру», где происходит смена героя: появляется Тритон Охломыч, который решает покончить жизнь самоубийством, но в самый последний момент судьба внезапно дает ему в руки могущество бога. Но как трудно быть богом! Сумеет ли он распорядиться этим даром?

Роман изобилует неожиданными поворотами сюжета. В нем неразрывно связаны реальность и фантастика, юмор и печаль, причем печаль, исключаящая уныние.

Через оба произведения Николая Верёвочкина лейтмотивом проходит тема выбора — между разрушением и созиданием, жизнью и смертью, душевной чуткостью и духовной глухотой. Его произведения помогают увидеть в трагическом хаосе происходящего ценности вечные, остановиться среди суеты и попытаться определить смысл своей жизни и свое место во вселенной. Человек может быть беден, неталантлив, неумен, доведен до отчаяния, может совершать ошибки и даже утратить имя. Но человек не может жить без души,

и он не должен быть подлым. Если разрушена душа — нет человека, предупреждает автор.

Торк, А. Пенсия / А. Торк // Дружба народов. — 2006. - № 7.

Алексей Торк (Алишер Ниязов) родился (1970) и до последнего времени жил в Таджикистане. Работал в таджикских СМИ. С 1996 по 1999 год был корреспондентом ИТАР—ТАСС в Киргизии. В 2000 году работал спецкором программы “Вместе” (канал ОРТ), потом корреспондентом агентства РИА Новости в Киргизии и Казахстане. Освещал военные конфликты в Таджикистане и на юге Киргизии. Литературным творчеством начал заниматься в 2000 году. В настоящее время живет в Иваново с наездами в Душанбе, сотрудничает в газетах. Рассказ “Пенсия” — его первая литературная публикация. Эта новелла молодого таджикского журналиста был, словно крупинка золота, “вымыт” нами на “приисках” журнального самотека. Чудовищные события, имевшие место в забытом Богом и людьми селении на границе с Афганистаном, описаны в нем с таким бесстрашным остроумием, какое невольно приводит на ум сравнение с бабелевской традицией в его «Одесских рассказах».

Ольга Марк. Воды Леты: Повести и рассказы. — Алматы: Общественный фонд “Мусагет”, 2002. — 248 с.; Ольга Марк. И та, что сидела слева: Роман. Повести и рассказы. — Алматы: Общественный фонд “Мусагет”, 2003. — 344 с. (Серия “Мусагет”).

Фантасмагорические рассказы и прозаические произведения крупных форм. Повесть “Воды Леты” — главный герой проходит реабилитацию в больнице, у него полная амнезия, но цель лечения не в том, чтобы вернуть ему память — вспоминать нельзя! — а в том, чтобы приспособить его к новой действительности. После Великой Катастрофы жизнь уцелевших членов сообщества строго регламентирована, на учете каждая пара рабочих рук, супружеские четы подби-

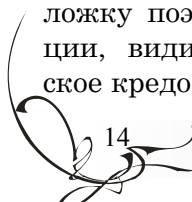
раются по предписанию сверху, хождение по городу ограничено строго определенными улицами, ибо шаг в сторону, и в любой куче мусора, в любом полуразвалившемся доме можно найти свою смерть. С этим новым миром герой знакомится постепенно, под наблюдением врачей, однако ни “газеты, тексты которых так похожи друг на друга, что трудно было разобраться, чем же свежие новости отличаются от вчерашних или совсем уж давнишних, разве что названиями или цифрами”, ни знакомство с полумертвым городом не рассеивают изматывающих, отравляющих его душу сомнений. Кто они: врачи, медсестры, больные, жена — фантомы или подлинные люди, фантазия неокрепшего мозга или безумцы, придумывающие себя и свое окружение? Очередная антиутопия-предостережение, отражающая катастрофичность современного мира с его забастовками, экологическими катастрофами, вооруженными столкновениями, экстремизмом оборачивается психологическим триллером, блужданием по лабиринтам сознания. С. Захаренкова, литературный критик журнала “Аполлинарий”: *“Это произведение заставляет усомниться в памяти, своей и общечеловеческой, в реальности, во времени, в информации — абсолютно все поставлено под сомнение, все подозрительно; разрешается только личный поиск: блуждание в темноте, попытка найти дорогу там, где ее нет, — поощряется, ибо литературе требуется иное пространство, иные реалии”*.

Елена Терских. Жердочки: Рассказы. —
Алмааты: Общественный фонд
“Мусагет”, 2003. — 96 с. (Серия
“Мусагет”) — фантастичное и абсурдное видит в обыденной действительности, в поведении ординарного человека, его поступках и их мотивах. Удивительно, но можно точно помнить день, когда прорвало трубу, можно помнить гнев соседей и забыть, что водопроводчик, приглашенный для ремонта и застигнутый прилежшим на мокрый пол в клеточку рядом с твоей любимой

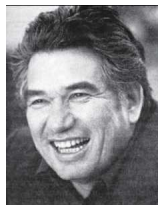
женщиной, спрятался в шкафу и там умер. Сплошь и рядом в рассказах — нелепые насильственные смерти из-за жестокости, тупости, равнодушия окружающих, непредсказуемые реакции на них: “Даже директор не сразу узнал о случившейся в его кафе смерти. Он был и без того расстроен, оттого сделал вид, что его нет ни для каких вестей: ни для хороших, ни для плохих...” Бестолковые, нескладные романы: “Как могло так случиться? Как из-за глупой любви к глупому человеку можно покончить с собой? И ведь на глазах у меня, в отместку”. Будничная рутина, мелкие, подчас курьезные заботы и мысли затмевают собой реальные трагедии. Анекдотические страшилки Е. Терских обнаруживают, что, хотя “испытывать нежные чувства к кому-то всегда полезно, хотя бы в форме опыта — в следующий раз буду осмотрительнее”, человек, пусть и ограниченный, беззащитен и раним, сталкиваясь с душевной слепотой и черствостью своих близких: родственников, соседей, сослуживцев. И был бы этот хорошо узнаваемый, показанный с беспощадной, с хлесткой иронией мир совсем страшен, если бы “жизнь не замирала иногда в очередной раз в ожидании счастья”.

У писателей и поэтов новой волны — а именно так называют тех, кто объединился вокруг фонда “Мусагет”, — есть и свой манифестант, С. Захаренкова: *“Время творило произвол, выделив из календаря и поместив сверх и вне литературу, которую сторонние наблюдатели иногда опасливо — себя огораживая — называют „маргинальной”. Опасаются они не напрасно: объединенные „Мусагетом” считают слово живым, творящим, потому встряхивающим и вытряхивающим из обыденности и условностей. Мифология литературных кругов приписывает ему своеволие и непокорность — текст переделывает его создающих”*. При знакомстве с этой декларацией возникает ощущение deja vu. Оно усиливается, когда читаешь критические статьи из журнала “Аполлинарий” и вынесенные на обложку поэтических сборников аннотации, видимо, выражающие эстетическое кредо молодых поэтов.

Чингиз АЙТМАТОВ. Когда падают горы (Вечная невеста). Роман

Новый роман всемирно известного писателя Чингиза Айтматова суперзлободневен по тематике и при этом написан в стилистике, которую так ценили всегда почитатели таланта этого автора. Завораживающая мифологическая параллель: судьба дикого зверя — и судьба человека предстает в виде мощной развернутой метафоры сегодняшней жизни. События, происходящие в далеких киргизских горах, словно матрица, накладываются на картину всего современного мира.

О романе Чингиза Айтматова “Когда падают горы (Вечная невеста)” рассуждает А. Эбаноидзе:

«Более сорока лет звучит в литературе этот голос, неизменно завладевая общественным вниманием, оказываясь в центре нравственных и социальных коллизий, проживаемых страной. Такая чуткость, соединенная с первозданной силой слова, принесли Айтматову репутацию властителя дум – мало кому так подходит это старомодное выражение, несовместимое с пиар-технологиями и саморекламой

Смена веж оказалась тягостна для культуры, властителям дум общество потребления предпочло идолов попсы.

Писатели реагировали на перемены по-разному.

Чингиз Айтматов пошел наперекор трудностям с открытым забралом – при помощи новых художественных приемов попытался освоить новый для себя материал: так пишутся “Богоматерь в снегах” и “Тавро Кассандры”. Обновление палитры далось с издержками, умозрительная символика и условность – не самые сильные стороны стихийного дара писателя. Похоже, он и сам почувствовал это – пауза пе-

ред «Вечной невестой» была долгой. Но вот в работе поставлена точка. Из дальних стран и космических высей писатель вернулся на киргизскую землю, в тьяншанские горы, и родная земля одарила его новой силой. В «Вечной невесте» конфликт, вызванный нравственными гримасами и социальными перекосами наших дней, воспроизведен по-айтматовски крупно и сильно: опять мощно звучит пантеистическая тема, и то затихает, то крепнет мотив старинной легенды, вынесенной в название.

...Который месяц наблюдаю в редакции нечто необычное: нам звонят из разных городов и спрашивают о романе Айтматова. Его с нетерпением ждут, за него готовы слать деньги из своих скудных средств... Такого не припомню за годы работы в журнале. Эти звонки словно позывные исчезнувшей страны, отголоски ее дум и тревог, отдаленный рокот уходящей грозы...»

Из интервью с Чингизом Айтматовым: «После распада Советского Союза русские писатели в других республиках оказались в невольной эмиграции. Многие уехали. Но уже после 1991 года в литературу пришел целый ряд новых писателей, создавших здесь уже свою литературную школу. Генетически связанные с русской литературной традицией и языком, они в то же время существуют в особом „безвоздушном“ пространстве. Свободные от политизированного российского общества и несвободные от влияния самых разнообразных культур, они ищут свой стиль и свой метод выражения. Их произведения публикуются в основном в дальнем зарубежье».

Юй Бинь, Р. Любовь всей жизни / Р. Юй Бинь // Китай. – 2008. - № 1.

В этой статье рассказывается о Гао Мане, являющемся одновременно членом Союза китайских писателей, Союза китайских переводчиков и Союза китайских художников, а также почетным членом Российской академии художеств, кавалером ордена Дружбы.

Говорить о Гао Мане, его заслугах, творчестве, книгах и картинах можно бесконечно. Тем более, что он продолжает как писатель, переводчик и художник неустанно работать, публиковать свои произведения, переводить новые вещи, писать портреты и делать зарисовки. «Как закалялась сталь» Н. Островского, любимое произведение Гао Мана, молодежь Китая училась жить и бороться по Павке Корчагину. За последние десять лет, Гао Ман пишет и публикует целый ряд книг: «Записки о русских художниках», «Жизнь и творчество Пастернака», «Серебряный век», «Последний приют», «Высокий и тяжелый жизненный путь», «Крылья истории» и другие.

Как бы итогом его творческой жизни становится выпущенная в конце 2006 года книга-альбом «Рисуня Россию». Гао Ман завершает книгу такими словами: «Я хочу остаток своей жизни и оставшиеся силы и впредь отдавать укреплению великой дружбы между нашими народами! В этом – требования моей жизни, зов к творчеству, песня моей души, я буду продолжать идти по этому избранному нелегкому пути, полному неожиданности и соблазна...»

В своей книге «Память сердца» (Анна Ахматова и Китай), Гао Ман пишет:

« Три года тому назад по приезде в Ленинград, хотя срок моего пребывания в этом прекрасном городе на берегах Невы был очень краток, а расстояние от города до поселка Комарово весьма далеким, я решил посетить могилу Анны Ахматовой, чтобы оплакать эту одинокую душу. Такси мчалось около двух часов, иногда вдоль железной дороги, иногда вдоль моря. Летний день был непостоянен, ясное небо то и дело заволакивалось облачностью, так что нельзя было понять, подыгрывала ли сама природа моему настроению или же, наобо-

рот, мое настроение менялось вслед набегавшим тучам?»

«..Так я в конце концов пришел к ее могиле. Сердце мое гулко колотилось. Я пристально вглядывался в беломраморный портрет на стенке. Крутой, выступающий нос, собранные в высокую прическу волосы, ровная челка, длинная шея, задумчивый взор... Это молодая Ахматова, ставшая на этой могиле новой планетой Ахматова. Я положил перед ее изображением букетик красных гвоздик. Нет, это не просто букет красных цветов - это алое сердце одного из китайцев...»

С Абдужабором Саторовым, ректором Российско-Таджикского (славянского) университета, беседует корреспондент “Дружбы народов” Владимир Медведев:

«С Абдужабором Саторовым мы подружились в другом — прошлом — веке и в другой стране, которой уже нет на карте. Было это... Как любил говаривать профессор Семенов, замечательный знаток Средней (ныне Центральной) Азии, “было это совсем недавно, лет пятьдесят назад...”. Сейчас эти слова не кажутся мне парадоксом, хотя до пятидесяти лет дружбы мы с Абдужабором пока еще не дотянули. Надеюсь, дотянем.

За это время поджарый и стройный парень, с которым мы некогда разговаривали, сидя на ступеньках русского филфака Душанбинского пединститута перед вступительными экзаменами, успел стать доктором исторических наук, академиком российской Академии педагогических и социальных наук, профессором, но остался таким же стройным и поджарым. И озорная мальчишеская его улыбка совсем не изменилась с тех пор, как мы вместе готовились к экзаменам в дубличной библиотеке, вместе сачковали — чего греха таить — на сборе хлопка, снимали кинофильм, работали вожатыми в пионерлагере на практике... Жабор был первым моим серьезным учителем таджикского языка.

Теперь он учит русскому.

Помню, еще несколько лет назад, когда я приходил к нему в Славянский университет, у ворот меня останавливал автоматчик в камуфляже, проверял документы и отбирал их на то время, что я нахожусь на территории. Тогда только что кончилась гражданская война».

А.Саторов: Цель создания университета — предоставление равных возможностей в

получении высшего образования на русском языке всем жителям Таджикистана, и прежде всего, разумеется, русскоязычным. Потому он и называется Российско-Таджикский... Это университет Российской Федерации в Таджикистане. В его уставе записано, что обучение ведется на русском языке по государственным образовательным стандартам Российской Федерации. Учиться в нем могут граждане как России, так и Таджикистана, которые желают получить образование по российским стандартам.

В.М. А посему, надо полагать, Россия и Таджикистан принимают равное участие в его содержании. Так?

А.С. Ну, скажем, так... Соглашение правительств предусматривает, что финансирование будет происходить на паритетных началах. Поскольку у Таджикистана имеются значительные трудности в экономическом развитии и вообще в экономике, сам он бы этот университет «не потянул». Российская сторона учитывает, что здесь, в Таджикистане, осталось много соотечественников и у них единственная возможность получить высшее образование — учиться в подобном университете. Так что для России это своего рода помощь соотечественникам... Что проще — принять этих людей с детьми в России, дать им статус беженца или вынужденного переселенца, пособие для обустройства на новом месте и так далее... или же на месте создать для их детей базу для получения образования на русском языке? Ясно, что первое обойдется намного дороже.

Что же касается Таджикистана, то, если не позаботиться о здешних русских, мы вообще можем потерять местную русскую диаспору. Сколько потом времени понадобится, чтобы к нам вновь приехали русские! Вытащить-то их отсюда легко, а вот как потом заново заманить сюда... Сейчас не двадцатые—тридцатые годы, когда по призыву партии, по приказу товарища Сталина питерцы взяли шефство над Таджикистаном и направили сюда десятки тысяч путиловцев и рабочих и инженеров с других заводов. Сейчас не послушают никого... Так что у обеих сторон налицо и политический интерес, и экономический.

В.М. А каков интерес тех, кто у вас учится?

А.С. Диплом российского образца.

В.М. Стало быть, Славянский университет приравнен к вузам России?

А.С. Не просто приравнен. Он внесен в ти

тульный список вузов России. Причем, подчеркиваю, государственных вузов. Мы имеем лицензию Министерства образования России и учим по утвержденным им образовательным стандартам и учебным планам. А поскольку они не входят в противоречие с учебными планами, по которым ведется образование в Таджикистане, и мы имеем также и лицензию Министерства образования Таджикистана, то имеем право выдавать два диплома — российский и таджикский. Но пока что большинство просят только российский диплом. Хотя иногда бывает, что кто-то хочет получить оба...

В.М. Насколько мне известно, такой же совместный вуз действует в Кыргызстане.

А.С. Да, Славянский университет в Бишкеке открылся раньше, чем наш, и был первым учебным заведением такого рода. Ничего удивительного... Войны в Кыргызстане не было, а процент русских в Бишкеке намного выше, чем в Душанбе. И президент там — академик. Наш президент тоже очень хорошо понимает нужды высшего образования, но у Аскара Акаева возможностей больше.

В.М. Кстати, а сколько их всего — славянских университетов?

А.С. Всего лишь три. Третий — в Армении. Университет в Ереване бурно развивается. Ректором там бывший премьер-министр. Правда, я с ним лично пока еще не знаком — он человек новый, но от очень многих слышал, что он весьма пробивной парень. А как я убедился на своем опыте, в нашем деле пробивные способности — качество, без которого не обойтись. Одна только подготовительная работа к открытию университета шла три года. Одни только поиски подходящего здания чего стоили!

В.М. Нетрудно представить... Никто не соглашался уступить вам хоромы в центре города.

А.С. Каких только развалюх не предлагали! Прорабатывались различные варианты, вплоть до какого-то поселка за городской чертой. Но мы все же настояли на своем — университет должен помещаться в центре столицы.

В.М. Битва за престиж!

А.С. Называй это как хочешь, но надо было учитывать специфику момента. В том числе и то, что в годы гражданской войны и противостояния с оппозицией (и до начала этих событий) очень много русских вы-

ехали за пределы Таджикистана. Кстати, многие подавали заявление и рассчитывались с работы потому, что дети заканчивали школу и им надо было учиться. А где?

В.М. В прошлые годы такой проблемой даже и не пахло. Теперь, когда наши душанбинские друзья и знакомые разлетелись не только по всей России, но и по всему миру, очень наглядно видно, что образование, полученное в Таджикистане в былые годы, ни в чем не уступало любому другому. Наши специалисты, как правило, оказываются ничуть не хуже (а нередко и лучше) тех, кто учился в России...

А.С. Тогда обучение шло на трех языках — на русском, таджикском и узбекском... Я не случайно назвал их в таком порядке — так они и шли по количеству преподавателей, читавших на этих языках, и по количеству слушавших их учеников и студентов. Во всех педагогических вузах были факультеты русского языка и литературы. Вспомни, однако: у нас в Таджикистане даже в самом отдаленном кишлаке даже седобородые старики говорили и понимали по-русски. И дети все говорили, причем даже лучше стариков. Обрати внимание, я говорю в прошедшем времени. А теперь вообразим, что мы увлеклись изучением английского языка и решили, что вся нация должна им овладеть. Сколько нам на это потребуется времени? Трудно сказать. Пройдет семьдесят, пятьдесят, сорок лет, прежде чем все старики и старушки начнут говорить и понимать по-английски...

В.М. Это возможно только в одном случае...

А.С. Ну да, если Таджикистан станет колонией Англии. Как Индия в прошлом... Но мы не можем замыкаться в английском языке, потому что через русский язык, которым еще недавно владела вся нация, мы имели выход к достижениям мировой науки...

В.М. И культуры...

А.С. Науки, культуры — всего! Выход к мировому сообществу. Прежде наш выпускник мог после десятилетки ехать поступать в МГУ, в Казанский университет, в Киевский, куда угодно...

“Пармскую обитель”. Ты, может быть, кино видел с Жераром Филипом... Участвовал в войне 1812 года. Был с Наполеоном в России...”

А.С. Сегодня во всех отраслях науки буквально каждый день происходят какие-то открытия. Так что в год по каждому направлению на русский язык переводится книг четыреста—пятьсот, и это только самые горячие новинки. Можем ли мы сами сейчас охватить такой объем переводов своими силами? При нашей слабой полиграфической базе, при наших слабых переводческих кадрах мы едва успеваем переводить на таджикский язык одну. Сейчас русский язык для нас — жизненно важный ресурс.

И, повторюсь еще раз, мы должны думать о наших русских. После развала СССР оставшийся в Таджикистане молодой человек из русскоязычной семьи уже не мог свободно выбирать себе будущую профессию. Например, он хотел бы стать юристом или экономистом, но тогда в здешних вузах не было такой специальности.

В.М. Представляешь себе картину? Приходят студенты с утра в институт, а двери заколочены и наклеена бумажка: “Закрото. Все преподаватели уехали”. Да, впрочем, и студентов-то немного осталось...

А.С. Шутки шутками, но я думаю, что после войны процесс исхода продолжался уже автоматически. Дело было даже не в военных событиях, а в разрыве экономических связей между Таджикистаном и бывшими братскими республиками, в различии уровней жизни “здесь” и “там”, в подорожании авиа- и железнодорожных билетов... Тут даже годовой зарплаты не хватит на билет. Это заставляло многих покидать Таджикистан. А потом стал действовать закон обвала. “Все уехали, только я один остался”.

В.М. Знаешь, я много думал о том, почему мы — то есть славяне, татары, немцы, корейцы, евреи и так далее — так спешно ретировались из Таджикистана. Ведь массовый исход начался еще до гражданской войны, в 1990-м после известных событий¹. Почему люди бежали? Ведь беспорядки в 90-м году не были направлены против русских. Основные жертвы были среди таджиков. Русских погибли несколько человек — столько гибнет на больших стадионах после футбольных матчей или на больших учениях...

А.С. Русские и не могли пострадать... У таджиков есть такое понятие “курнамак”. Так говорят о человеке, который плюет в солонку после того, как поест. Таджики не

страдают забывчивостью, у них есть историческая память. Мы прекрасно помним, что в Таджикистане русские появились только в конце 20-х годов. До этого времени их вообще здесь не было. Они приехали тогда, когда крупные промышленные предприятия стали браться шефство над союзными республиками. Нам повезло — над нами взял шефство Ленинград. В Душанбе в центральном городском парке стоит памятник Ленину — первый памятник в Средней Азии. Вообще-то самый первый памятник Ленину в истории был установлен у Смольного, это уникальный, исторический монумент. Форму, в которой он был отлит, еще не успели разобрать, и по просьбе правительства Таджикистана в ней отлили еще одну скульптуру и привезли в Душанбе. И он сохраняется донныне как историческая реликвия, и никто из таджиков его не даст снести.

Тема моей докторской диссертации — “Образование и развитие высшей школы в Таджикистане”. Сотрудничество Таджикистана и России. И я, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой, сейчас знаю, что высшую школу, интеллигенцию в Таджикистане создали ленинградцы. Целыми выпусками ЛГУ, бросая квартиры на Невском, они приезжали сюда, где не было ни электричества, ни транспорта, ни простых бытовых удобств. Скорпионы, жара, пыль, малярия... Они жили вместе с нами. Врачи, медсестры, трактористы, рабочие. Интеллигенция и рабочий класс. Мы этого не забываем, мы не “курнамак”.

В.М. Любопытно, но после войны я на себе почувствовал, как странно изменилось отношение таджиков к русским. Русские словно стали невидимками. Я ездил в Курган-тюбе, брал интервью у Сангака Сафарова — кстати, последнее большое интервью, которое он дал перед своей гибелью, — и повсюду, в автобусе, на городских улицах меня как бы не замечали. Автобус остановили у блокпоста на перевале и у всех пассажиров начали проверять документы. Меня в автобусе словно не было. Видимо, народ за время страшной войны был настолько оглушен, что просто перестал замечать любого, кто прямо не связан с его бедой и его проблемами. Но одно несомненно: в этой остранинности не было ни капли нарочитости, ни враждебности...

А.С. Самый большой наш факультет — филологический. До нас в Душанбе оставалось два факультета русской филологии — в Национальном (то есть государственном)

университете и в педагогическом институте. Эти два факультета мы забрали себе полностью. В Национальном университете теперь вновь образовался филологический факультет, но там готовят только преподавателей русского языка для национальных школ, а мы — для тех, кто хотел бы заниматься университетской научной филологией.

Есть у нас и факультет журналистики. Мы единственный вуз в Таджикистане, который готовит журналистов, пишущих на русском языке. Есть также отделение культурологии, факультет истории и международных отношений открыли.

В.М. То есть все это в первую очередь гуманитарные науки...

А.С. Именно так. Техническим наукам у нас обучают в Государственном университете и преподают там в основном на русском языке. В первый год мы открыли отделение радиопизики и электроники. Но, видишь ли, для занятий по одной только этой специальности нужно шесть специализированных лабораторий, которые стоят огромнейших денег. На те мизерные отчисления, что достаются сейчас высшей школе, содержать даже одну такую лабораторию — скажем, электроники — очень накладно.

Есть у нас экономический и юридический факультеты. Всего мы готовим по четырнадцати специальностям. Главная из них — филология. Мы решили не идти по пути образования множества мелких факультетов, а создать несколько крупных. Львиная доля студентов занимается на факультете русской филологии. Правда, назвали мы ее славянской, поскольку здесь изучаются также и украинская, и белорусская, и польская, и чешская филологии... Но львиную долю занимает именно русская.

Кроме славистики, имеется у нас английская, французская и немецкая филологии. А сравнительно недавно открыли мы и китайское отделение.

Пожалуй, толчком послужил курьезный факт. Наш президент поехал в Китай с официальным визитом, и мы не нашли во всем Таджикистане ни одного человека, владеющего китайским языком. Пришлось выкручиваться из положения сложнейшим образом: один переводчик переводил с таджикского на русский, другой — с русского переводил на английский, а третий — с английского на китайский. И соответственно наоборот — в обратной последовательности.

Именно это натолкнуло меня на мысль об открытии китайского отделения. А где взять преподавателей? И вот как-то я зашел на базар и там мне показали женщину, которая продавала какое-то старье. Тогда многие выживали благодаря тому, что распродавали все, что у них было — посуду, утварь, одежду, бытовые приборы, инструменты... Так вот, кивают мне на хромую старушку и шепчут: “Вон та женщина знает китайский язык”.

В.М. Господи, да я же с ней хорошо знаком. Людмила Адамчук. Она работала в Китае в шестидесятые или семидесятые годы... Удивительный человек, энтузиаст и бессребреник. А китайский она действительно знает блестяще.

А.С. Так мне и сказали. Это, говорят, классный китаевед. Потом уже я узнал, что сами китайцы считают, что у нее превосходный язык. Для того чтобы читать и писать по-китайски, надо знать не менее двух тысяч иероглифов. Она знает более четырех тысяч. И вот этот замечательный специалист вынуждена была распродавать последнее. Надо было видеть, как она была одета, как исхудала. Я пригласил ее на работу. И первый год преподавала только она. Сейчас она — заведующая китайским отделением. Помолодела, расцвела... И оказалось, что никакая она не старушка, а женщина средних лет. Мы ее всячески поддерживаем.

Впоследствии мы обратились к китайскому правительству, и нам помогли. Прислали учебники, аудио- и видеоматериалы, подарили компьютеры.

А теперь у нас преподают также профессор из Китая, кстати, уже второй за это время. Ну и, разумеется, выпускники нашего собственного китайского отделения, которые успели пройти стажировку в Китае и сейчас успешно работают.

Китайская филология для нас — не экзотика, а самая что ни есть насущная жизненная потребность, учитывая нашего могучего соседа, с которым у Таджикистана полторы тысячи километров общей границы. А скоро нас свяжет и транспортная артерия. Сейчас мы вместе с Китаем пробируем стратегическую дорогу на Каракорумское шоссе. Они строят свою часть, а мы свою — до границы. Нынешним летом эта дорога, по-видимому, будет сдана, так что экономической блокады со стороны некоторых своих соседей мы не боимся. И будем грузы возить морским путем не через Одессу, а через порты Персидского залива.

В.М. Ну да, намного ближе...

А.С. Дело не только в расстоянии. Об этом нигде не говорится открыто, но через границу между Таджикистаном и Узбекистаном наши соседи не пропускают ни одну машину. Бывает так, что во время посевной эшелоны с горючим не могут пробиться в Таджикистан. Ни один турист не приезжает туда и не выезжает от нас. Нет ни самолетов Душанбе—Ташкент, ни поездов. А чтобы проехать, скажем, сюда в Душанбе из Северного Таджикистана через территорию Узбекистана, необходимо нанимать сопровождение и платить триста долларов за проезд машины... Ну кто поедет?

Так что представь, как для нас важно строительство этой дороги. Ну и вообще китайцы — народ очень мобильный. Здесь у нас уже много китайских людей. Так что нашему примеру последовал Институт языков, который тоже открыл китайское отделение.

Сейчас мы ведем подготовительную работу и с сентября собираемся открыть отделение корейской филологии. Все-таки у нас, в Таджикистане, проживает около двадцати тысяч корейцев, которые корейского языка не знают. Южная Корея проявляет определенный интерес к сотрудничеству экономическому с нами. Есть в Северном Таджикистане несколько совместных таджикско-корейских предприятий. Поэтому этот язык тоже нужен будет. Обещают помочь корейские общественные организации.

В прошлом году предлагали японские бизнесмены открыть курсы японского языка с их поддержкой, но потом они пропали, а у нас самих до японского пока руки не доходят.

В.М. Скажи, а принимаете вы только абитуриентов из Таджикистана или можно поступить и иностранцу? Скажем, россиянину.

А.С. География мест, откуда приехали наши студенты, охватывает весь бывший Советский Союз. Меня радует, например, то, что едут к нам из Хабаровска, Иркутска, Москвы, Казани...

В.М. А кто они? Кто именно приезжает?

А.С. А вот это очень интересно. Я с ними всеми беседовал. В основном это дети тех людей, что когда-то уехали отсюда. Нередко у них остаются здесь бабушки или дедушки, которые привыкли к теплу, фруктам и вообще южной жизни и не хотят уезжать в Россию. И когда внукам настает время учиться, они приезжают в Душанбе,

к бабушке, и поступают к нам. А через год или два вслед за ними приезжают поступать их друзья или соседи.

Правда, в соглашении предусмотрено, что обучение в нашем университете — только для граждан России и Таджикистана. Но я не могу отказать русскому мальчику или русской девочке, которые живут, скажем, в Сурхан-Дарье...

В.М. То есть в Узбекистане...

А.С. Да, и у них нет другой возможности получить высшее образование на русском языке. Приезжают к нам поступать из Украины, Белоруссии, Туркменистана. Но при общем плане набора студентов в четыреста человек я не могу принимать всех подряд. Смотрю конкретно, кто у абитуриента папа, кто мама, каков доход семьи... Если я вижу, что у человека нет другой возможности и он от безысходности сюда приехал, — это одно дело. А другое — если он из обеспеченной семьи. Тогда заключаю контракт и учись за плату.

Ну и потом мы даем хорошую возможность получить высшее образование женам и детям российских военнослужащих, расквартированных в Душанбе. Это 201-я мотострелковая дивизия и группа пограничных войск Российской Федерации. Получают у нас образование и сами офицеры. У большинства из них за плечами — военное училище, но это не высшее образование. Они учатся у нас заочно. Некоторые получают второе высшее образование. Если первая специальность у него — чисто военная, а завтра он может выйти, как говорят, “на гражданку”, что он будет делать?

В.М. С профессорами, думаю, у тебя проблем нет. В Душанбе преподавательские кадры всегда были сильны. Старая школа. Чего там говорить, если в нашей с тобой alma mater преподавал философию Владимир Библер. Правда, мы его не застали, он уехал за несколько лет до того, как мы поступили в институт.

А.С. Дело в том, что мы имеем возможность брать к себе лучших ученых. Мы платим российскую зарплату, и этим все сказано. Вообще-то она невелика, но по сравнению с тем, что получают преподаватели таджикских вузов, это царские заработки. Когда мы только образовались, то ходили по вузам, смотрели, кого взять. Кандидаты давали пробные лекции. Кроме того, каждый вуз заинтересован, чтобы лучших своих учеников оставлять у себя, растить из них преподавателей. Мы уже

пошли на процесс самопроизводства — у нас начинают преподавать наши выпускники.

О качестве суди сам. Для того чтобы вуз прошел аттестацию, аккредитацию, считается нормальным, что в нем должно иметься свыше пятидесяти процентов “остепененных” преподавателей, то есть имеющих ученые степени и звания. Это считается о-о-очень хорошо. Скажем, у ведущих вузов российской столицы — у таких, как Бауманка, — “остепененных” шестьдесят с чем-то процентов. Мы, в общем-то, от них не отстаем — у нас шестьдесят семь процентов. Чуть выше, чем у них. У нас заведующие кабинетами старшие лаборанты — кандидаты наук. За два года только членами АПСН — Академии педагогических и социальных наук — из нашего университета избраны десять человек. Нормально, а? Мы даже тут у себя создали филиал АПСН. У нас ежегодно проводится около десяти научно-практических и научно-теоретических конференций, у нас ежегодно проводятся свои Славянские чтения, отдельно для студентов и отдельно для преподавателей.

В.М. Я знаю, что сейчас у вас работают многие из наших с тобой бывших учителей. Те, кто не уехал...

А.С. Верно, и им до того, как они попали к нам, пришлось хлебнуть горяшка. В первые годы независимости сработал закон маятника и всеобщим увлечением стал государственный язык. “Почему ты говоришь на каком-то другом языке, не на государственном?” Наши преподаватели — замечательные русисты, но таджикского они в большинстве своем не знали, а тут их приглашают на заседание ученого совета, которое проводится на государственном языке... Не присутствовать они не могут, но и понять, что говорят коллеги, — ничего не понимают. И зарплату им, как, впрочем, и коллегам, владеющим государственным языком, задерживали по несколько месяцев, а она и так была никакая. И когда мы их сюда привели, а здесь мало того, что преподавание, но и все официальное делопроизводство на русском языке, да к тому же мы отмечаем здесь масленицу — блины! — и все традиционные русские праздники... У них глаза загорелись. Они сейчас так активно работают. Они духовно ожили... Ведь как бывает — живешь у себя дома в четырех стенах, никого не видишь, боишься высунуться и кажется тебе: “Наверное, никого не осталось. Я один”.

Но вот они собираются здесь и видят: “Ого, смотри, а оказывается, еще много русских осталось”. И когда занятия заканчиваются, они сидят в деканатах и лабораториях и не хотят уходить. “Мы только здесь и видим друг друга, здесь мы общаемся”.

В.М. Да это, должно быть, сейчас серьезная проблема для многих — общение. Где общаться? Вчера я говорил со своей давней подругой, у нее взрослый сын, ему за двадцать. Она говорит: “Я за него беспокоюсь, девушки у него нет... А где ему с девушкой познакомиться?”

А.С. Как это где? На любой дискотеке... В городе несколько дискотек, и они работают до утра, до пяти-шести часов... Там собирается молодежь, туда ходят и наши студентки. Наверное, он просто очень скромный парень. Если он сидит дома, то никто из девушек его искать не будет.

В.М. А ты считаешь, что сейчас это безопасно для молодой девушки — ночью возвращаться домой даже в сопровождении парня?

А.С. Вполне. Миновало то время, когда народ с наступлением темноты сидел по домам, не высывая носа. Теперь люди ходят по вечерам в гости, в кино, в рестораны...

В.М. Во всяком случае, выстрелов по ночам не слышно.

А.С. Жизнь, в общем, наладилась и постоянно продолжает налаживаться. Хотя у университета сложностей и по сей день — по горло. Но год от года все лучше и лучше становится. Только за один прошлый год я смог наконец капитально отремонтировать учебные корпуса, только за один прошлый год я смог купить пятьдесят компьютеров — столько, сколько не сумел приобрести за предыдущие шесть лет. И, даст бог, столько же еще возьму в нынешнем.

Сейчас Славянский университет — самый престижный в Таджикистане вуз. Мы не останавливаемся. В первые годы мы все силы тратили на организационную сторону дела — на учебный процесс, на здания, на создание базы... В последние год-два ориентиры поменялись — мы пошли вглубь. Теперь на первый план для нас выступило качество. Разрабатываем учебные планы, программы, свой журнал издаем, свою газету. Сейчас любые ученые из

любого университета за честь почитают выступить на нашей научно-практической конференции. Потому что они знают, что мы материалы конференции непременно издадим.

В.М. Иными словами, университет стал также и научным центром?

А.С. В гораздо большей степени, чем ты можешь себе представить. Дело в том, что с парадом суверенитетов начался и парад научных титулов. Каждая из новообразованных стран учредила свою собственную аттестационную комиссию и начала штамповать своих собственных профессоров и докторов. Но что это за ученые светила! Извини меня, но дальше Regard такой профессор не котируется... Я тогда курировал высшую школу в нашем Министерстве образования. Многие тогда пытались меня переубедить, но я уперся: "Нет, нет и нет. Мы готовим в вузах — то есть тогда готовили — специалистов по ста девятнадцати специальностям. В аттестационном совете должно быть как минимум пять докторов наук. Не говоря уже о том, что члены совета должны время от времени меняться. Посчитайте, сколько докторов нам потребуется. Где вы их возьмете? Ну хорошо, найдем мы людей по девяти специальностям... А по остальным? Все равно придется в Москву ездить за аттестацией". Поэтому я тогда убедил колеблющихся и настоял на своем, благо у меня были свои связи в ВАК России, бывшего СССР. В итоге наше правительство подписало письмо, которое я написал в ВАК России: просим, мол, выполнять для нас функции бывшего ВАК СССР. До сих пор все решения специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций у нас утверждаются ВАК России. А доктора наук с десятилетним стажем из тех стран, где успели создать свои ВАКи — из Туркменистана, Узбекистана, Киргизии, — приезжают сейчас к нам, в Таджикистан, чтобы перезащититься и получить российский диплом.

Кроме того, мы решили: если не мы, то кто, и выбили штаты — и Министерство образования России нас поддерживает, — будем создавать институт повышения квалификации преподавателей русского языка вузов и техникумов. Разумеется, ни один вузовский преподаватель в Таджикистане не в состоянии позволить себе хотя бы раз в пять лет пройти где-то переподготовку и повысить свою квалификацию.

В.М. Знаешь, слушаю я тебя, и мне при-

шло в голову, что ваш университет можно, пожалуй, назвать, островком России в Таджикистане...

А.С. Видимо, это все же преувеличение. Я же говорил: Славянский университет был задуман в первую очередь для того, чтобы снять накопившиеся проблемы между Россией и Таджикистаном. В соглашении записано, что университет является проводником передовых образцов российской науки, культуры в Таджикистане и, наоборот, таджикской науки и культуры — в России.

В.М. А как реально происходит это “наоборот”?

А.С. Пока никак. И связано это не с чем иным, как с нашей спецификой. Вот планируются, скажем, Дни таджикской культуры в России. И получается, что мы в них не принимаем участия, потому что было бы смешно везти в Россию русскую культуру. Приезжают участники Дней российской культуры в Таджикистан, и мы опять остаемся в стороне. Дескать, не будут же они пропагандировать русскую культуру тем, кто только русской культурой и занимается. И мы уже по своей инициативе перехватываем писателей, поэтов, приглашаем их к себе, но все это — за рамками официальных встреч.

Кстати, во всех нормальных государствах по линии Союза обществ дружбы имелись российские культурные центры. В Таджикистане он тоже есть, но без помещения. Роль Российского культурного центра выполняет Славянский университет. Я выпиываю практически все основные российские газеты и журналы, художественную литературу и так далее. У меня есть Дворец культуры, в котором работают только штатных работников шестнадцать человек, в котором есть ансамбль “Славяне”, который специализируется на русском народном творчестве, хороших песнях и принимает участие во всех концертах — и правительственных, и посвященных всяким официальным праздникам. Выезжаем с концертами в воинские части, в Шурек, Регар, Яван, Курган-тюбе... А посольству учатся у нас в основном дети русских, мы приглашаем их родителей на эти праздники. Они имеют возможность в нашем читальном зале полистать свежие газеты.

В.М. Есть, по-видимому, еще одна важная сфера деятельности, которая сейчас под силу только вашему университету. Дело в

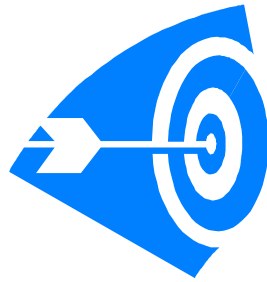
том, что некогда существовала мощная советская школа художественного перевода. Перевода с зарубежных языков и с языков народов Советского Союза, в том числе и с таджикского. Сейчас эта школа находится практически на грани исчезновения. Старые мастера постепенно уходят, а на их место никто не торопится... И одна из литератур, находящихся в смысле перевода в наиболее плачевном положении, — это таджикская литература. Не стоит ли вам попытаться как-то исправить положение?

А.С. Считаю, что пока это не наше дело. К тому же я не самого лестного мнения о тех, кто сейчас пишет. Почему? Была некогда писательская школа, были мэтры, которых читала и о которых говорила молодежь, — те же Мумин Каноат, Мирзо Турсун-заде. Сейчас таких писателей нет. Пока нет.

В.М. Скажи, а не косятся тут на тебя за твои взгляды?

А.С. Бывает, и косятся. Мне все же приходится учитывать настроения и наших националистов, а они у нас есть, скрытые или явные.

Но я доволен тем, что сумел сделать. Я здесь родился, я здесь вырос, я эту республику люблю... Я таджик, в конце концов. И, как я уже сказал, продвигая русский язык в Таджикистане, я думаю и о русском народе, и о своем. Сейчас в университете учатся на одном только дневном отделении тысяча восемьсот студентов и тысяча с лишним — на заочном. Около трех тысяч студентов. Из них пятьдесят два процента — русские. Остальные — в большинстве своем таджики. Пусть они прекрасно учат язык и переводятся в российские вузы. Я знаю по крайней мере, что они свои дипломы получают не просто так, не зазря, они будут классными специалистами. И меня это радует.

Привет, Казахстан!

“Дружба народов” продолжает свой особый проект — знакомство с национальными литературами СНГ, Балтии и российских автономий. Не правда ли странное заявление для журнала, почти семь десятилетий назад основанного именно для этой цели и успешно ее реализующего! Но с 1991 года центробежные силы разносят нас все дальше друг от друга. Это наносит урон не только межгосударственным отношениям и экономике бывших братьев по Союзу, но существенно снижает уровень культуры на всем постсоветском пространстве.

Сегодня на наших страницах представлена многонациональная литература Казахстана — страны, приковывающей к себе внимание не только соседей по Содружеству, но и всего мира. Интерес к Казахстану вызван стремительным ростом экономики, уверенным становлением государственности, взвешенностью многовекторной политики. Словом, удельный вес Казахстана в мире растет. Кажется, на наших глазах набирает силу новый “азиатский тигр”. В промышленных центрах южного соседа физически ощутима пульсация мощного потенциала, готового к реализации. Будем объективны — литература Казахстана не поспевает за экономическим взлетом. В недавней статье Л.Теракопяна (“ДН”, № 12, 2006 г.) анализировался предыдущий период казахской литературы, называлась блестящая плеяда, представленная такими именами, как М.Ауэзов, А.Нурпейсов, А.Алимжанов, О.Сулейменов, А.Кекельбаев... Новое поколение еще не выдвинуло прозаиков и поэтов такого масштаба. Впрочем, это явление повсеместное: в условиях рынка литература повсюду вытолкнута на обочину общественной жизни, хотя ее зеркало могло бы показать экономистам много подробностей из народной жизни и тем самым уберечь от ошибок.

Так или иначе, читателям “Дружбы народов” интересно узнать, чем и как (в духовном и интеллектуальном смысле) живет такая интересная страна, как Казахстан. Мы работали над номером в содружестве с

Союзом писателей Казахстана и редакцией журнала “Байтерек”. Особенно мы признательны АО “РГ Казахстанская правда”, содействовавшему реализации проекта и поспособствовавшему тому, что представление русскоязычного читателя о новейшей литературе Казахстана существенно расширится как в СНГ, так и далеко за его пределами.

Александр ЭБАНОИДЗЕ, главный редактор журнала “Дружба народов”

“Сложная, напряженная проза с глубоким проникновением в метафизический мир... Ее философия очень символична и касается трагических коллизий жизни... борьбы света и тьмы в человеческой душе” — так характеризует повесть Толена АБДИКОВА “Разума пылающая война” ее переводчик, замечательный русский писатель Анатолий Ким.

ПТИЦЫ В РАЮ ВБЮТ ГНЕЗДА В ОВЕЧЬЕЙ ШЕРСТИ

Казахстан, древний и современный, советский и независимый, — в эссе и заметках Олега Квятковского, опубликованных под общим названием “Глазами евразийца”.

ФУНДАМЕНТ, ЗАЛОЖЕННЫЙ ПРЕДКАМИ

О судьбе поволжских немцев, освоении целинных земель, ментальности различных народов, святом духе родительского очага и ответственности интеллигенции размышляет в беседе с Алипой Утешевой “Я — воспитанник казахского аула” писатель и переводчик Герольд Бельгер, обладающий уникальным опытом принадлежности европейской и азиатской культурам...

Муратханов, В. Первородный грех колониста. Русские в Средней Азии / В. Муратханов // Дружба народов. – 2005. - № 8.

Синдром “русского расставанья”

В конце 80-х был популярен анекдот. Подходит еврей к двум вполголоса беседающим единокровцам и говорит: “Не знаю, о чем вы тут рассуждаете, но ехать надо”. Ныне в Средней Азии бородатый анекдот приобрел прежнюю, если не более острую актуальность — только в роли евреев выступают русские. Нет в среднеазиатских республиках ни одного русского, который мучительно не раздумывал бы над вопросом: ехать — не ехать.

Проще всего решился он для тех, кто имел близких родственников в России. Будучи гражданами одной, хотя и распавшейся уже страны, русские азиаты в первой половине 1990-х еще могли относительно безболезненно адаптироваться и вписаться в не совсем отчужденный от них и не до конца устоявшийся после перестроечных потрясений российский быт. Им, обладавшим серпастой и молоткастой красной паспортиной, не приходилось иметь дело с таможенными, пограничными контролями, визами и выросшими позднее десятками бюрократических препон, связанных с пропиской и гражданством. Сценарий отъезда, за исключением Таджикистана, во всех республиках был один и тот же: за полцены проданное жилье, фамильная библиотека, никому не нужная и уступаемая за гроши, в довесок к когда-то бережно подбиравшемуся гарнитуру. Печальный прощальный обед для друзей на дворевом айване, с пловом, шашлыком и домашним вином, последние горькие объятия (“здесь” уже вряд ли свидятся, “там” — кто знает). И поезд в один конец.

На улицах одноэтажных махаллей, возле калиток, одинокие старушки в платках сидят на табуретках, продают пожелтевшие открытки с видами молодого города, инструменты, потускневший в темноте серванта хрусталь. На воротах — мелом: “Дом продается”.

Гости поневоле

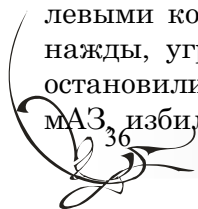
Русских не гонят. Не мажут дегтем ка-литки, не бьют стекла. Им только вежливо и по-восточному тонко дают понять, что они здесь чужие, что это не их земля, всегда была не их, а они, не смотря на относительную многочисленность и остатки иллюзий, — не более чем загостившиеся здесь иноземцы, независимо оттого, кто где родился и вырос. В их компании никто не стесняется говорить по-узбекски — молодые местные, недавно приехавшие из кишлачной глубинки, и не владеют уже никаким иным языком. Жизнь новых республик проходит сквозь русских, не замечая их и не задевая, и они заживо превращаются в тени, иногда не успевая осознать происходящее.

Впрочем, на первых порах русские еще нуждались в том, чтобы кто-то объяснил им их новый статус. Помню, как во время моего студенчества в начале 90-х на одной “разборке” полный и уверенный в себе второкурсник коренной национальности открывал мне глаза на то, что я в Узбекистане — гость и должен вести себя здесь тихо и осмотрительно, для моей же пользы. Называл он меня при этом “Васек”: еще с советских времен в устах узбека это — универсальное прозвище для любого незнакомого русского в Узбекистане, так же как Фриц — для немца и Ара или Хачик — для армянина.

Таджикский сценарий

Таджикский вариант развития событий, в отличие от узбекского, был трагичен и кровав. Из этой республики русские, оказавшиеся между молотом и наковальней противоборствующих в гражданской войне группировок, бежали, бросая дома и нажитое имущество.

Мой дядя, державший более 20 лет охотхозяйство в горах Кулябской области, до последнего не хотел расставаться с привычным укладом жизни — пасекой, прудом, фермой для разведения нутрий. Балансировал на краю пропасти, налаживал отношения с полевыми командирами. Не вышло. Однажды, угрожая автоматами, боевики остановили его на дороге, отобрали КамАЗ, избили. Жив дядя Володя остал-

ся чудом. Помню, как сидел он у нас на кухне, худощавый и смуглый, больше похожий на азиата. И обрубок на месте большого пальца правой руки почему-то связывался в моем представлении с войной, хотя дядя сразу объяснил, что покалечился по неосторожности.

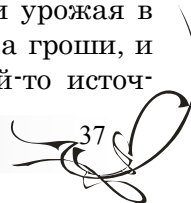
В Узбекистане и Киргизии в последние 15 лет не воевали. Разве только самую малость, с боевиками-исламистами, и то — высоко в горах. Однако бегут и из этих республик.

Коммунизм по-узбекски, или “Окно в Европу”

Безусловно, один моральный фактор не мог бы повлечь за собой массовый исход русских из Средней Азии. В каких же условиях живут здесь сегодня несколько миллионов еще уцелевших русских?

Некоей усредненной моделью в этом смысле может служить Узбекистан. Эта страна, находясь в самом сердце региона, лишь в последнее время стала поворачиваться в сторону России — правда, пока, скорее, не лицом, а впол оборота. С другой стороны, ее правящий режим еще не опускался до безоглядного самодурства туркменбаши и проводимой им открытой дискриминации национальных меньшинств. Не теряло узбекское правительство и контроля за ситуацией внутри страны, что имело место в Таджикистане и породило там череду беззаконий и бесчинств в начале 90-х. Таким образом, положение миллиона русских в Узбекистане — это нечто промежуточное, на полпути между казахско-киргизской достаточно уважительной толерантностью и туркменской дискриминацией.

Показатель уровня жизни в Узбекистане — размер минимальной заработной платы, составляющей 5,5 тысячи сумов, что в пересчете на доллары США чуть больше \$5. При этом цены на продукты первой необходимости чуть ниже, но в целом соотносимы с российскими. Что спасает узбекистанцев от вымирания — так это щедрое солнце и земля, способная давать три урожая в год. Овощи и фрукты идут за гроши, и если у тебя есть хоть какой-то источ-

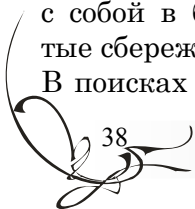
ник дохода, несколько летне-осенних месяцев можешь протянуть на одних лепешках и арбузах. В остальное же время года человеку с минимальным доходом вполне реально протянуть ноги.

Зарплата среднестатистического ташкентца — именно в столице проживает сейчас львиная доля русского населения республики — колеблется от 30 до 50 долларов. Жителям кишлаков и об этих скромных суммах остается только мечтать: хроническая невыплата зарплат возвращает жизнь дехкан на незапамятные круги натурального хозяйства. Потому данные Мировой продовольственной программы ООН о том, что в стране недоедают более 20% жителей, отнюдь не кажутся завышенными. Что касается предметов одежды и бытовой техники, то на них цены выше, чем, скажем, в соседних Киргизии и Казахстане, не говоря уже о России. Виной тому — высокие таможенные пошлины на ввозимые товары и планомерное комплексное удушение частной торговли.

В пограничном селе Черняевка государственная граница проходит прямо через дворы. Туалет и сарай в Узбекистане, мазанка и стойла — на сопредельной территории. Рано утром нанизываемые на холодок степного ветра, по одному, по двое тянутся путники через двор. Кровать хозяина — на свежем воздухе. Привычным движением, не поднимая головы и не разлепляя век, он протягивает руку за причитающейся платой. Получив, так же, не глядя, прячет деньгу под подушку, досматривает сон.

Недавно узбекские власти возвели в Черняевке бетонную стену, оградив казахскую территорию от потенциальных покупателей из недалекого отсюда Ташкента. В народе стену тут же нарекли “каримовским дувалом”. В дувале быстро появилась дыра — своего рода “окно в Европу”. Дыру по краям мажут дегтем, но всасываемый в нее людской поток не истощается, увлекая с собой в братскую республику негустые сбережения узбекистанцев.

В поисках лучшей доли едет народ на

Север, причем не только русские. Как-то раз мой знакомый с друзьями попытался заняться бизнесом — переправить на Урал вагон овощей. Где-то в Свердловской области повстречались с земляками-узбеками. Они уже несколько лет как перебрались в Россию, и бизнес их процветал. Об общей родине земляки отзывались насмешливо и неуважительно: “ваш Узбекистан”. — “А разве он, пардон, не ваш?” — “Нам и здесь пока неплохо”, — отвечали уклончиво.

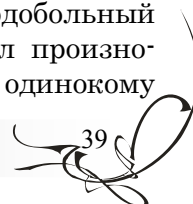
Кызылкумское “Приднестровье”

Есть, правда, в Узбекистане один островок, законсервировавший советскую стабильность и благополучие. Там русская речь, пожалуй, еще не чувствует себя иностранной. Да и доходы не заставляют людей искать перемен и впадать в тихую депрессию.

Навоийская область. Здесь десятки тысяч узбекистанцев заняты в структуре Навоийского горно-металлургического комбината и золотодобывающего узбекско-американского СП “Зарафшан-Нюмонт”. Экономическую стабильность и свой надежный достаток работники предприятия-гиганта связывают с именем его директора — Николая Кучерского. Платят здесь в среднем от 200 до 400 долларов США, причем не в год, а в месяц. В отличие от Ташкента, бесплатно показывают российское ТВ. Ездят на такси жители Зарафшана в любой конец города за символические 150 сумов и не особо терзают себя саkraментальным вопросом об отъезде.

Узбекский бы выучил только за то...

Незнание государственного языка — другой важный фактор, толкающий русских узбекистанцев на расставание со страной. Ибо государственный язык здесь один, а великий и могучий имеет ровно такой же статус, как корейский, татарский, армянский и любой другой из языков сотни населяющих Узбекистан национальностей. Надо видеть, с какой снисходительностью, выдающей человека высшего сорта, сердобольный узбек растолковывает смысл произноsimого с высокой трибуны одинокому

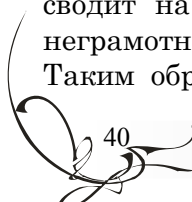
русскому, который забрел по долгу службы на официальное мероприятие и с бесплодным напряжением уже несколько минут пытается вникнуть в дикую для его уха скороговорку. “Э-э, Вася, — укоризненно покачивает головой в конце. — Язык учить надо. Когда ты знаешь мой язык — значит, ты меня уважаешь”.

Гораздо комфортнее чувствуют себя в городе редкие русские, выросшие в махалле (глинобитной одноэтажной застройке, однородной по национальному составу). Учившийся со мной в одной университетской группе рослый светловолосый красавец Виктор бегло шпарил на ташкентском диалекте и никогда не боялся, что в ответ на обращение прохожего придется жать плечами и мычать нечленораздельное. Для студентов национальных групп Виктор был местной достопримечательностью — чем-то вроде говорящего попугая. В Россию он уехал одним из первых, едва успев получить диплом.

Само собой, плакаты, вывески, официальные заявления, воинские команды — все это пишется и звучит на узбекском, а потому недоступно неграмотным русским, 99% которых так и не удосужились в достаточной мере овладеть языком титульной нации.

Впрочем, проводимый сейчас в Узбекистане переход с кириллицы на латинскую графику в какой-то мере нивелировал уровень грамотности городского русского и сельского узбека. Скооперировавшись, они теперь способны постичь смысл любого узбекского текста: русский читает записанную латиницей фразу, узбек переводит ее устный вариант на русский язык. Стоит ли говорить, что огромный корпус литературы, изданной в советское время на кириллическом узбекском, обречен на скорое забвение. Такая же судьба постигла в середине прошлого века арабскую вязь, превратившуюся для новых поколений советских узбеков в китайскую грамоту. Испытанный способ борьбы с прежней идеологией, который сводит на нет десятилетия борьбы с неграмотностью.

Таким образом, пример Казахстана и

Киргизии, признавших за русским языком особый статус и сохранивших в своих государственных языках кириллические алфавиты, заразительным не оказался.

На правах наблюдателя

Утверждать, что узбеки не любят русских, было бы не совсем справедливо. Первый агрессивный всплеск национального самосознания на волне независимости сошел довольно быстро — как только стало ясно, что оставшиеся в республике русские мало того что суверенитету отныне не угрожают, но и родине своей исторической ничуть не интересны. К русским в Узбекистане питают смешанное чувство соболезнования и брезгливости — как к неприятным, но безобидным загостившимся чужакам, дом которых сгорел за время их отсутствия.

Узбеки-таксисты любят жаловаться русским седокам: “Э, что за жизнь! Долбаный жизнь. Раньше с работы пришел — законно лежишь, отдыхаешь. А теперь конкретно крутишься целый день. Домой пустой придешь — чего пришел, скажут. Я считаю, правильно узбеков называют “бараны”. Столько терпеть и молчать только баран может”.

Есть в этом что-то от психотерапии: пожаловаться низложенному хозяину, бывшему “старшему брату” на новые порядки. И самому легче, и русскому клиенту приятно. Восточная обходительность в действии. Но упаси Бог сдуру начать поддакивать — не для того разговор затеян. И, окажись на твоём месте узбек, — беседа наверняка текла бы по несколько иному руслу. Русский воспринимается таксистом как некая нейтральная, не вовлечённая в конфликт интересов сторона, с которой можно отвести душу. Таксист не скажет: “Мы, узбекистанцы, устали...” или “Нас, узбекистанцев, притесняют...” Нет! “Мы, узбеки” — в беседе с русским гораздо уместнее и ни к чему не обязывает. Гость должен знать своё место.

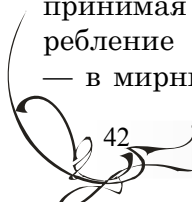
Легенды и мифы изоляции

О России живущие в Узбекистане русские знают по сути дела немного и понаслышке. Отгороженные визовым режимом от более открытой и русскоговорящей Киргизии и объявленным в 2002 году “временным” карантином — от Казахстана, соседствующего с РФ, они и в прошлые годы были лишены реального представления о том, что происходит на исторической родине. Ныне же изоляция достигла степени небывалой. Кабельное телевидение здесь — плохая подмога. Постоянные сообщения о катастрофах и покушениях на бескрайних российских просторах порождают у широкой категории наивных русских азиатов уверенность в том, что в страшной Москве стреляют и взрывают на каждом шагу: местные безоблачные репортажи с хлопковых полей, как ни странно, делают свое дело.

Наука быть русским

Когда среднеазиатский русский выходит на привокзальную площадь по эту сторону межреспубликанского занавеса, его шокирует многое. Низкое сырое небо над головой, советская символика в названиях улиц, гранитные вожди революции, от созерцания которых он успел поотвыкнуть. Приезжий удивленно взирает на бутылки пива в руках идущих навстречу горожан, которые держат их так же непринужденно, как сигарету. Ему непривычна звучащая кругом русская речь и обилие мало того что русских, но и преимущественно сытых и довольных лиц вокруг. Если русский приехал на родину предков всерьез и надолго, он должен быть готов многому удивляться и отучаться от многого. Например, от цоканья языком при выражении сильных эмоций, от неуместной здесь гипертрофированной восточной вежливости в повседневном общении и конечно же от непроизвольного прикладывания ладони к животу при встрече, прощании и изъяснении благодарности. Ему предстоит учиться русской прямоте и широте, принимая как должное обильное употребление алкоголя в застольях, мата — в мирных беседах и не стесненные,

не пониженные до шепота разговоры о политике. А пока привыкание не завершилось, он обречен чувствовать себя иностранцем, узбеком — так же, как чувствовал он себя иноземцем в еще недавно родной Средней Азии. Он понимает, сколь много, сам того не желая, перенял от “бабаев”, и с удивлением убеждается, что лишь среди них мог по-настоящему ощущать себя русским. “Странные они люди, — отзывается о россиянах Игорь, каждый год отправляющийся сезонным рабочим на заработки в Москву. — Вот об узбеках, например, я никогда не знаю, что они скажут в следующую минуту, но всегда знаю наперед, что они сделают. А россиянин — всегда известно, что сейчас скажет, но что сделает после этого, никогда не угадаешь. Сидишь с ним, выпиваешь, все нормально, казалось бы. И вдруг...”

Хождение по мукам регистраций, получения временных прописок и видов на жительство у приехавшего еще впереди. В бесконечных очередях в милицию и паспортный стол у него еще будет время оглянуться назад и внутренне оправдать свой поступок. Наверное, потому, как бы ни было трудно, не возвращается большинство русских переселенцев в Среднюю Азию, что понимает главное: та жизнь, в которой они могли ощущать себя полноценными людьми с прошлым, настоящим и будущим, в которой могли гордиться своим происхождением и корнями, не исчезла в никуда. Здесь, в России, она продолжалась, и, хотя ушла далеко вперед, у них еще есть шанс настичь ее, сделать своей, доказать свое родство отвернувшейся от них родине-матери.

“Мы вас туда не посылали...”

Как относиться к приехавшим в страну азиатам, в России, похоже, ясно не представляют. Даже на международном юге. Благодушный советский идеал дружбы народов в считанные годы изжит как нелепый и вредный комплекс, и в то же время тень его еще маячит где-то на периферии общественного сознания. А между тем национальный вопрос в пронизанной автоно-

миями Федерации не теряет своей актуальности.

Еще большие сложности начинаются тогда, когда приходится решать судьбы русских, волей исторических обстоятельств оказавшихся в безвременье, в роли чужих среди своих. Нет ни четкой политики на их счет, ни адекватного законодательства, ни соответственно какой-либо программы помощи беженцам или проектов, которые облегчали бы их психологическую адаптацию и обеспечивали социальную поддержку.

“Мы вас туда не посылали”, — говорит в сердцах иной чиновник какому-нибудь досаждающему жалобами бедолаге из Душанбе, будто тот в поисках сладкой жизни эмигрировал в Штаты, а теперь передумал и запросился обратно. Сколь же оправдан этот убийственный аргумент?

Буфер империи

Первые русские пришли в Среднюю Азию в 70-х годах XIX века, вслед за армией генерала Скобелева. Захват и покорение существовавших тогда на этой территории феодальных государств — Кокандского, Хивинского ханств и Бухарского эмирата — были, по-видимому, вопросом времени. С юга (территории нынешних Индии, Афганистана и Пакистана) ширилось и усиливалось британское влияние. Не прояви тогда Россия имперского своеволия, Средняя Азия, вероятнее всего, разделила бы судьбу южноазиатских стран, попавших под английское владычество, отнюдь не способствовавшее их экономическому и культурному росту. А российское государство, вполне возможно, имело бы у своих южных пределов недоброжелательное соседство английских протекторатов, причем не где-нибудь, а, не исключено, прямо под Оренбургом и Южной Сибирью.

К 1913 году в Средней Азии возникло порядка 120 русских селений. Семиречье (район современных Алматинской и Талды-Корганской областей Казахстана) заняли казаки, Чуйскую долину (север Киргизии) — переселенцы из Южной России и Малороссии. Население Нового — русского — города в Ташкенте сформировалось главным

образом за счет военного и гражданского чиновничества, а также политических ссыльных — людей преимущественно культурных и образованных. Многие переселенцы-россияне не выбирали места жительства, но, оказавшись здесь, внесли вклад в просвещение и благоустройство края, ставшего неотъемлемой — как казалось тогда — частью великой империи.

Сосланный в Ташкент великий князь Николай Константинович Романов усовершенствовал местную ирригационную систему, проложив несколько новых каналов. А его экспроприированная после революции богатейшая художественная коллекция составила основу Национального музея Узбекской ССР (ныне — Государственный музей искусств Узбекистана).

Врач Федор Боровский открыл и описал возбудителя пендинки, от которой испокон века страдало население края. Усилиями русских колонистов непредсказуемый, чуждый и отсталый регион стал превращаться в надежный и стабильный буфер Российской империи.

Туркестан советский

Революция оставила в Туркестане столь же кровавый след, как и в любом другом уголке России. С той разницей, что кровь здесь проливали не только русскую. Был нарушен свято соблюдавшийся царской администрацией принцип невмешательства во внутренние дела “туземного” населения. Большевики рвались ошастливать весь мир, и феодальный уклад жизни азиатов не устраивал их ни в коей мере. Именно этого в первую очередь не могут простить русским идеологи современного Узбекистана.

Стараниями Красной Армии к началу 30-х годов с басмачеством было покончено. В 1937—1938 годах сталинская карательная машина расправилась с последними неудобными в лице местной интеллигенции — носителями идей “мелкобуржуазного национализма”. Средняя Азия становится одной из вотчин Союза, столь же безопасной и советской, как любая другая. Вопросы сегодня: зачем ты или твои роди-

тели потащились в Среднюю Азию, столь же нелепо, как выяснять, почему другая семья не уклонилась от переезда, скажем, в Приморье. Счет русских среднеазиатов уже тогда шел на сотни тысяч. Ехали сюда советские люди чаще всего не по прихоти, а по распределению.

В Великую Отечественную воевать с фашизмом шли представители всех народов, живущих в Средней Азии. Знаменитая Панфиловская дивизия, в 1941-м polegшая под Москвой почти целиком, но не пустившая врага к столице, была полностью сформирована в этом регионе. В начале войны в Среднюю Азию эвакуировались фабрики и заводы, театральные коллективы и киностудии. В 1942—1943 годах Ташкент дал приют Фаине Раневской, Анне Ахматовой, Алексею Толстому и многим другим деятелям культуры. Память об их здесь пребывании до сих пор бережно хранится местными русскими.

Новый наплыв приезжих случился в 1966 году, после разрушительного землетрясения, уничтожившего по сути дела весь старый саманный город. Заново возводили Ташкент строители со всего СССР. Кто-то из них оставался навсегда.

Некоторые политики и публицисты, не имея рецепта выстраивания отношений с бывшими колониями, злорадствуют: “Ну что, поняли, как туго без России? Какова она на вкус, ваша независимость?” Видимо, они путают Среднюю Азию с Прибалтикой. На референдуме 1991 года абсолютное большинство не только русских, но и узбеков в республике высказалось за сохранение Союза. А потом были ГКЧП и Беловежская пуща...

Безответная любовь

Следы русского присутствия стираются сейчас с большим или меньшим усердием во всех республиках Средней Азии. Но старика с буденновскими усами, в фуражке с казачьей кокардой и богомольную старушку в белом платочке, отбивающую поклоны у ворот Свято-Успенского собора, — этих свидетелей века не сотрешь, не отменишь, не

переименуешь. Так же как и их внуков, возящихся с компьютерами, слушающих CD с российскими группами, переписывающих друг у друга “Бригаду” и все чаще повторяющих в разговорах между собой: “Здесь нечего ловить”. Они не в обиде на историческую родину; они смотрят в ее сторону с надеждой. Русские в Азии вообще в большинстве своем оправдывают Россию — в спорах с другими, в мучительных внутренних диалогах. Ей самой, объясняют они, сейчас трудно, хватает своих проблем... Эта любовь сильна, бескорыстна и безответна. Так, детдомовец до последнего ждет бросившую его мать, не верит в бессрочность разлуки и оставленности.

Каждую субботу у российского посольства в Ташкенте собирается живая очередь на получение гражданства — в основном русские. По списку — разлинованной вручную тетрадке — проводят перекличку. В списке тысячи фамилий, поэтому когда зачитывающий его доброволец спустя несколько часов добирается до конца, голос у него уже заметно подсаженный и охрипший. Отмечаться в очередь ездят аккуратно, как на службу. Некоторые — из области. Не пришел два раза — вычеркивают, и месяцы, а то и годы ожидания идут насмарку. В приемный день в посольство с документами попадают пять человек, не больше: таковы правила. Смотришь в чье-нибудь пожилое лицо — и понимаешь, что до России оно просто не доживет.

Утверждают, что очередь можно обойти, если сунешь милиционеру у входа долларов сто. Но такие деньги для русского ташкентца — целое состояние.

Эпилог

По Ливерпулю ходит священник. Он останавливает чернокожих прохожих и просит у них прощения за века работорговли, за все прегрешения своих белых сородичей против черной расы. Чернокожие с улыбкой пожимают плечами и отпускают грехи. И с каждым актом прощения чуточку меньше становится зла в нашем мире.

Сегодня этнические русские как нико-

гда ранее ощущают эфемерность, неподлинность своего азийского бытия. В их памяти еще не стерлись тени прервавшейся на их веку эпохи — кажется, только вчера в глазах окружающих они были достойными и востребованными гражданами большой страны. Они еще не научились, подобно ташкентским армянам, корейцам, евреям, жить национальной общиной. Великое и слишком недавнее прошлое не дает им осознать реальные потери, сомкнуть поредевшие ряды, ощутить себя диаспорой, живущей в своем ритме, своими некрупными, частными заботами и успехами, найти свое место среди громад железа и тонированного стекла, выросших в считанные годы на месте прежних словно бы игрушечных глинобитных построек. Отсюда, видимо, и угнетенность, протрация, потерянности во времени и легкий налет неуверенности и рассеянности на всех действиях и начинаниях...

Минует несколько десятилетий — и “русские ” Средней Азии, возможно, сами превратятся в тени, в недостоверное воспоминание о русском присутствии в этом крае. История никого и ничему не учит. Но вспомнят когда-нибудь и о них.

СОДЕРЖАНИЕ

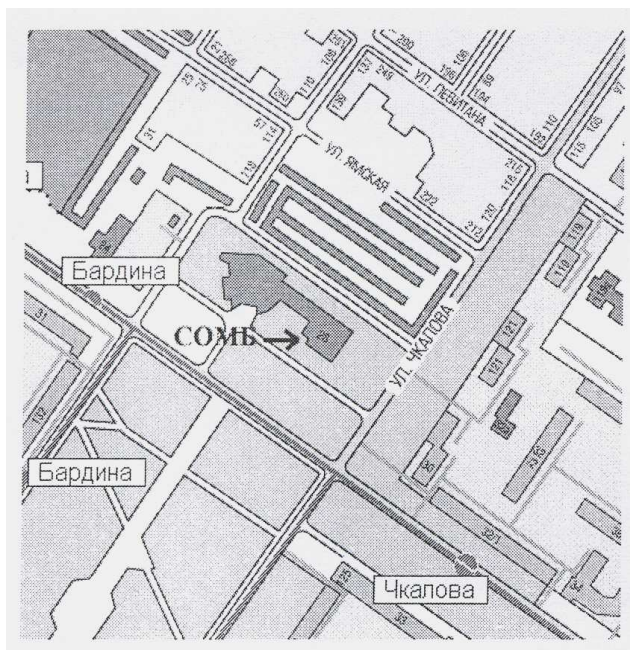

Вступление.....	3
Новые переводы.....	4
Звонящая лира.....	5
Мир прозы.....	9
Мэтры.....	15
Версии.....	17
В центре внимания.....	33
Нации и мир.....	35

© ГУК СО Свердловская
областная межнациональная
библиотека, 2009
© Набор текста
Гапошкина, Н. В.
© Верстка, макет,
С. Косович, 2009

ГУК СО Свердловская областная
межнациональная библиотека

620146, г. Екатеринбург,
ул. Бардина, 28

Тел. (343) 240-26-52, Факс 243-17-00

А. 21, 42, 43, 46, 76; Т. 11 (ост.
Чкалова)

E-mail: somb@somb.ru
Http: // www.somb.ru